

УДК 316.334.52(470.621)

ББК 60.59 (2Рос. Ады)

X 19

Р.А. Ханаху,

доктор философских наук, профессор, заведующий отделом философии и социологии Адыгейского института гуманитарных исследований, г. Майкоп, тел.: 8-(8772)-57-08-21, e-mail: hanahu1@rambler.ru

Т.И. Афасижев,

доктор социологических наук, профессор кафедры философии социологии Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: 8-918-226-40-43

О.М. Цветков,

кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела политологии и конфликтологии Института социально-экономических исследований ЮНЦ РАН, г. Ростов-на-Дону, тел.: 8-928-468-29-17, e-mail: sovetikus@narod.ru

Кавказская война в дискурсе социологии

(Рецензирована)

Аннотация. На основе данных социологических замеров рассматриваются актуальные проблемы, связанные с образом Кавказской войны в массовом сознании жителей Краснодарского края и Республики Адыгея.

Ключевые слова: этническое сознание, Кавказская война, социологический опрос, постконфликтный синдром.

R.A. Khanakhu,

Doctor of Philosophy, Professor, Head of Department of Philosophy and Sociology of the Adyghe Institute of Humanitarian Studies, Maikop, ph.: 8-(8772)-57-08-21, e-mail: hanahu1@rambler.ru

T.I. Afasizhev,

Doctor of Sociology, Professor, Department of Philosophy and Sociology, the Adyghe State University, Maikop, ph.: 8-918-226-40-43

O.M. Tsvetkov,

Candidate of Philosophy, Senior Research Fellow, Department of Political Sciences and Conflictology, Institute of Social and Economic Research, YuNC RAN, Rostov-on-Don, ph.: 8-928-468-29-17, e-mail: sovetikus@narod.ru

The Caucasian War in the discourse of sociology

Abstract. On the basis of sociological opinion polls, we consider the actual problems associated with the image of the Caucasian War in the mass consciousness of citizens of the Krasnodar Territory and the Republic of Adyghea.

Keywords: ethnic consciousness, the Caucasian War, opinion poll, post-conflict syndrome.

В мае 2014 года исполнилось 150 лет со дня окончания Кавказской войны. Это историческое событие XIX века занимает важное место в социально-политическом дискурсе Северо-Западного и Центрального Кавказа, т.е., Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии. Это объясняется тем, что адыги

понесли в той войне большой урон. Значительная их часть была истреблена физически, и еще большая часть была вынуждена покинуть пределы мест исторического проживания. Современный так называемый «черкесский вопрос» и базируется, в основном, на результатах Кавказской войны. Адыгские этни-

ческие активисты интерпретируют ее как геноцид адыгов и требуют от российского государства его признания. Они требуют также создания российским государством условий для переселения зарубежных адыгов — потомков тех, кто покинул места исторического проживания в результате Кавказской войны.

Такие интерпретации Кавказской войны этническими активистами и многими адыгскими историками не совпадают с теми интерпретациями Кавказской войны, которые дают ей другие российские историки. Известно, что в советской и российской историографии это историческое событие именуется как «Кавказская война». Конфликт интерпретаций Кавказской войны и ее последствий, а также приемлемость или неприемлемость тех или иных политических требований, вытекающих из ее различных оценок, проецируются на все общество и привносят в него напряженность. Данное обстоятельство делает актуальным наблюдение за состоянием регионально-массового сознания, в котором осуществляется перманентное конструирование и реконструирование как самой Кавказской войны, так и ее роли в послевоенном устройстве региона Северо-Западного и Центрального Кавказа. Его актуальность тем более велика, что, как показывает практика, для адыгского этнического активизма интерпретации и оценки Кавказской войны являются явно доминирующими и подавляют все другие как исторические, так и современные социально-политические проблемы.

Социологические замеры отношения массового сознания к Кавказской войне производились в Адыгее силами сотрудников отдела философии и социологии Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований, кафедры философии и социологии Адыгейского госуниверситета. Всего было произведено четыре таких замера: в 1994, 2004, 2009, 2014 годах. Они проводились по единой модели в различных населенных пунктах Адыгеи и отдельных городах Краснодарского края. В числе респондентов были адыги, русские и люди других национальностей. Был организовано два Интер-

нет-опроса, в которых приняло участие 273 российских гражданина и 1297 представителей адыгской диаспоры (2009 г.), в 2014 году 145 российских гражданина и 1300 зарубежных граждан адыгского этнического происхождения.

Проведенные социологические исследования показали, что между русскими и адыгами существуют значительные отличия в интерпретации Кавказской войны, ее причин, роли и последствий. Различия в интерпретациях и оценках сохранялись на протяжении всего периода с 1994 по 2014 гг.

Так, мнения разошлись уже по вопросу о том, каким образом номинировать Кавказскую войну. Социологи предложили респондентам три варианта для ее номинации: 1) «Кавказская война»; 2) «Русско-Кавказская война»; 3) «Национально—освободительное движение» горцев Северного Кавказа. Допускалась также возможность иных номинаций, которые респондент мог сформулировать самостоятельно. В 1994 г. на первое место респонденты из числа адыгов поставили понятие «Русско-Кавказская война», на второе — «Национально-освободительное движение», на третье — «Кавказская война». Иных номинаций предложено не было. В 2004 г. 47 процентов от общего числа опрошенных отметили, что они предпочли бы назвать интересующее нас событие как «Русско-Кавказская война», 46 процентов — «Кавказская война», а 7 процентов затруднились с ответом. Почти 60 процентов опрошенных адыгов предпочли ответ «Русско-Кавказская война», и 40 процентов адыгов — «Кавказская война». У русских ответы на данный вопрос находятся почти в обратной пропорции: около 40 процентов — «Русско-Кавказская война», и 52 процента — «Кавказская война» (10 процентов русских затруднились с ответом).

В исследовании 2009 г. мнения несколько изменились. Опрошенные на первое место поставили номинацию «Кавказская война» (66 процентов), на второе — «Русско-Кавказская война» (33 процента), на третье — «затрудняюсь ответить» (6 процентов). Среди респондентов русские составили 60 процентов

от общего числа опрошенных (833 человека), адыги — 28 процентов (234 человека). Российские участники Интернет-опроса, среди которых было 37 процентов русских и 46 процентов адыгов, отдали предпочтение понятию «Русско-Кавказская война» (58 процентов) и «Кавказская война» (34 процента). Затруднились с ответом 6 процентов. Ответы зарубежных участников Интернет-опроса, среди которых, в основном, оказались представители адыгской диаспоры (88 процентов), были такими: 84 процента на первое место поставили номинацию «Русско-Кавказская война» и 34 процента предпочли номинацию «Кавказская война». Интересно отметить тот факт, что ряд респондентов предложил не водить в научный и общественно-политический оборот понятие «Русско-Кавказская война» и даже запретить его употреблять. Свою точку зрения они аргументировали тем, что «это может разрушить хрупкий мир на Северном Кавказе». Такие мнения присутствовали в обеих этнических группах.

В опросе 2014 года большинство опрошенных (67 процентов) согласны с названием войны как «Русско-Кавказская война», 26 процентов назвали ее «Кавказской войной», а (7 процентов) затруднились с ответом. Общее число участвовавших в опросе составило 471 человек. Итоги исследования 2014 года очень близки и часто совпадают с итогами результатов предыдущих исследований.

Таким образом, социологические замеры показали, что существенная часть респондентов склонна делать акцент на этничности при конструировании своих подходов к Кавказской войне и при ее оценках. Очевидно, что сторонники номинации «Русско-Кавказская война» адресуют волнующие их исторические проблемы современным русским и современной российской власти. Другая и сопоставимая по численности часть респондентов, отдающая предпочтение утвердившейся в российской историографии номинации «Кавказская война», старается не акцентировать внимание на этнических аспектах. Эта сложившаяся

в массовом сознании оппозиция характеризует особенности регионального сознания, наличия в нем противоположных тенденций — к политизации исторического и современного этнического сознания, с одной стороны и к деполитизации этничности, — с другой.

Наличие этих тенденций нашло подтверждение в ответах респондентов на другие предложенные им вопросы. Так, респонденты из числа русских говорили, что «историю трогать не надо», дабы не разжечь межэтнические страсти. А респонденты из числа адыгов обращали внимание на то, что, с их точки зрения, необходимо «знать всю правду» о Кавказской войне с тем, чтобы «извлечь уроки».

Указанные тенденции нашли косвенное подтверждение в ответах на вопрос «Есть ли у Вас личный интерес к Кавказской войне?». Около 40 процентов адыгов (2009 г.) и 45 процентов (2014) ответили определенно — «да», и еще 37 и 40 (2014 г.) процентов — «скорее да, чем нет». Таким образом, тема войны по-прежнему актуальна для абсолютного большинства адыгов. Еще больший интерес проявляют к ней представители адыгской диаспоры (85 процентов в 2009 г. и 2014 г.). У русских ответы на этот вопрос распределились иначе. Только 24 процента русских респондентов ответили определенно — «да». В 2014 году 27 процентов. Примерно столько же (29 процентов), а в 2014 (35 процентов) ответили «скорее да, чем нет». Таким образом, количество русских, имеющих относительно устойчивый интерес к войне, составляет меньшее количество.

Расхождения в оценках Кавказской войны в зависимости от этнической принадлежности респондентов зафиксированы и в ответах на вопрос: «Согласны ли Вы, что Кавказская война была для Российской Империи объективной необходимостью, вытекающей из ее стремления получить выход к Черному морю и защитить закавказские земли?». С подобным суждением согласен 31 процент адыгов. Еще 18 процентов «скорее согласны, чем нет». Таким образом, объективную причину войны усматривает примерно половина опрошенных адыгов.

В 2014 году их было 34 процента. В ответах на этот вопрос у русских респондентов картина иная. 43 процента из них считают, что война была вызвана указанной объективной необходимостью. Еще 33 процента также скорее согласны, нежели не согласны с такой трактовкой причин начала войны. Таким образом, порядка 77 процентов русских считают, что война была вызвана объективной необходимостью. В опросе 2014 года так считают 66 процентов русских респондентов.

Явные различия трактовок причин войны в этнических группах свидетельствуют о сохраняющейся фрагментации историко-идеологического пространства Республики Адыгея и Кубани, которая может быть оценена как скрытый конфликтный потенциал. Разумеется, его наличие совсем не обязательно способно привести к насилию. Однако эта конфликтность постоянно прорывается на страницы газет, журналов и монографий в форме эмоционально насыщенных и этнически окрашенных противоположных истолкований Кавказской войны. Известно также, что по всему Северному Кавказу продолжаются горячие споры вокруг наименований памятников, улиц и площадей, населенных пунктов.

Особенно явно различия интерпретаций Кавказской войны были выявлены при анализе ответов респондентов на вопрос «Согласны ли Вы, что Кавказская война была агрессивной со стороны России?». Отвечая на этот вопрос, 40 процентов адыгов ответили «да». Еще 20 процентов — «скорее да, чем нет». Таким образом, порядка 60 процентов адыгов склонны «обвинять» царскую Россию в агрессии. А в 2014 году такое «обвинение» выдвинули тоже 60 процентов. (Затруднились с ответом 25 процентов). «Обвиняют» Россию в агрессии против исторической Черкесии 85 процентов адыгской диаспоры. У русских респондентов картина иная. 10 процентов согласны с этим утверждением. Еще 14 процентов скорее согласны, чем нет. Таким образом, менее четверти русских считают войну агрессивной. В 2014 году — чуть больше 28 процентов. Примерно половина опрошенных в двух последних

исследованиях дали отрицательный или скорее отрицательный, чем положительный ответ на данный вопрос.

Примерно такое же соотношение ответов русских и адыгов отмечено при ответе на вопрос: «Согласны ли Вы, что Кавказская война была во всех отношениях несправедливой и привела к геноциду адыгов — черкесов?». Расхождения в оценках проявились также при ответе на вопрос: «Согласны ли Вы, что следствием Кавказской войны стало то, что она позволила народам Северного Кавказа приблизиться к цивилизации?». Более 60 процентов русских считают, что «да» или «скорее да, чем нет». 27 процентов адыгов и 8 процентов диаспоры согласны с таким суждением, по результатам 2014 года 17 процентов и 6 процентов соответственно.

В обеих этнических группах анкетированные признают наличие разнообразных последствий и «следов» Кавказской войны. Большинство русских (51 процент в 2009 г. и 57 процентов в 2014 г.) склонно усматривать их в состоянии межэтнических отношений, полагая, что историческая травма осложняет их. Большинство адыгов считает, что больше всего «следы» Кавказской войны видны в названиях памятников и населенных пунктов. При этом 44 процента в 2009 г. и 46 процентов адыгов в 2014 году считают, что «негативные следы» имеются и в межнациональных отношениях.

Отличия в оценках Кавказской войны между адыгами и русскими проявились также при ответе на вопрос: «Что нужно сделать, чтобы устранить негативные последствия Кавказской войны?». 34 процента адыгов и 77 процентов черкесских мигрантов, а в 2014 г. 54 адыгов и 87 процентов представителей зарубежной диаспоры считают, что для этого необходимо «признать на уровне ООН, государственных органов России геноцид адыгов-черкесов». И только 6 процентов русских отмечают, что это надо сделать. Особо отметим, что эта цифра постоянна в всех наших исследованиях. В обеих этнических группах высок также процент респондентов, считающих, что последствия Кавказской войны надо снимать путем издания книг

и учебников, освещающих правду о войне. В обеих этнических группах есть также мнения, что Кавказскую войну надо «забыть»: русские — 11 процентов, адыги — 6 процентов.

При всех расхождениях в оценках войны у адыгов и русских они сходятся в том, что федеральный центр не учитывает (или скорее не учитывает, чем учитывает) «уроки войны».

Тема Кавказской войны была несколько актуализирована и нашла специфическое преломление в массовом сознании после того, как Международный Олимпийский комитет принял решение о проведении в Сочи Зимних Олимпийских игр. Часть российских и, особенно, зарубежных адыгских организаций выступила с заявлениями о том, что проведение Олимпиады в Сочи нежелательно и призвала к их бойкоту. Эта позиция аргументировалась тем, что в окрестностях Сочи проходили последние бои Кавказской войны и проведение Игр оскорбляет память погибших в войне адыгов. При этом Сочи интерпретировалось как «место геноцида».

В 2012 г. отдел философии и социологии провел социологическое исследование по теме: «Отношение адыгского населения к Олимпиаде 2014 года в Сочи», которое позволило уточнить позицию массового этнического сознания к предстоящим Играм. По репрезентативной выборке было опрошено 600 человек из числа адыгов. Как показало исследование, 62 процента респондентов отнеслось к идее провести Олимпиаду в Сочи «хорошо»; 25 процентов — «нейтрально» и только 11 процентов — «плохо». Однако на вопрос «Существует мнение,

что планируемая Олимпиада оскорбляет память погибших в Кавказской войне, согласны ли Вы с этой точкой зрения?» ответы распределились несколько иначе. Четверть опрошенных сказала, что «да, оскорбляет». 22% затруднились ответить. Более половины сказали, что «нет». В ходе исследования многие респонденты отмечали, что на них произвела сильное впечатление церемония Олимпийских игр в канадском Ванкувере, в ходе которой широкую презентацию получило коренное население Канады — индейцы. Респонденты высказывали пожелания, чтобы и в ходе Олимпиады в Сочи было представлено коренное население Черноморского побережья — адыги.

Длительное наблюдение над региональной социально-политической риторикой, результаты социологических замеров показывают, что исторические и псевдоисторические аргументы по-прежнему часто используются в этногрупповой конкуренции, в политических и иных интересах. Однако тема Кавказской войны слишком узка для того, чтобы вместить в себя другие актуальные общественные и государственные интересы. Вероятно, этим объясняется падение на нее ажиотажного спроса, который наблюдался в 90-е годы XX века. В настоящее время, она активно используется, в основном, этническими организациями и историками. Однако тема может вновь обрести актуальность в случае роста социальной напряженности или, к примеру, появления существенных препятствий для реализации прав народов на культурное своеобразие и развитие.

Примечания:

1. Путин поддержит «Сочи-2014» в Гватемале // Российская газета 25.06.2007г. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.rg.ru/2007/06/25/sochi-mok-anons.html> (дата обращения 21.12.2013).

2. Серов К.С. Ванкувер: Огонь зажгли индейцы // Комсомольская правда. — 2013.13.03. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kp.by/online/news/631999>. Краснодар. Комсомольская правда (дата обращения 13.09.2013).

References:

1. Putin will support “Sochi-2014” in Guatemala // Russian newspaper of 25.06.2007g. [An electronic resource] — Access mode: <http://www.rg.ru/2007/06/25/sochi-mok-anons.html> (date of address 21.12.2013).

2. Serov K.S. Vancouver: Fire was lit by the Indians // Komsomolskaya Pravda. — 2013.13.03. [Electronic resource]. — Access mode: <http://www.kp.by/online/news/631999>. Krasnodar. Komsomolskaya Pravda (date of address 13.09.2013).